

Тамара Ханум

В Москве состоялось несколько концертов народной артистки УзССР Тамары Ханум.

В узбекском танце движения рук играют гораздо большую роль, чем движения ног. Та же особенность свойственна и другим старинным хореографическим системам Востока — индийской, китайской, японской. В сценических танцах античной Греции и Рима движения рук тоже составляли самую существенную часть пляски.

Игра рук Тамары Ханум поражает своим изяществом, богатством и законченностью. Ее руки все время живут напряженной жизнью, свертываются и разворачиваются, поворачиваются то ладонью, то тыльной частью, кружатся, вытягиваются, змеются, а пальцы их неустанно плетут в воздухе тончайший орнамент.

Своеобразные движения шеи, которыми склонны злоупотреблять русские подражательницы узбекским танцовщицам, Тамара Ханум делает без всякой подчеркнутости, еле заметно, точно кокетливо головой качнула. Движения ног сравнительно не сложны. Чаще всего встречается своеобразная скользящая походка. Прыжков совсем нет. Порой танцовщица вовсе останавливается, то слегка выдвигая, то убирая ногу. Несколько сомнительными с точки зрения этнографической точности представляются быстрые повороты, которыми Тамара Ханум завершает иногда танец. Это слишком похоже на балетное «шесте».

Огромное значение в танцах Тамары Ханум играют ее наряды. Они переливаются шелком, парчой, бархатом, самоцветными камнями, блестками, вышивками. Тут можно увидеть и обыкновенные полосатые халаты, и широкие одежды вроде длинной рубашки, спускающейся почти до щиколотки, и куртки без рукавов, напоминающие мужские жилеты. Над золотыми туфлями виднеется узкая полоса шальвар из легкого желтого шелка с зеленым и красным узором.

Тамара Ханум не только танцовщица. Она и певица. Она исполняет таджикские, узбекские, грузинские, армянские песни. Когда она поет арию из «Запорожца за Дунаем», вам кажется, что перед вами коренная украинка. Но стоит ей затащить русскую народную песню, и вы готовы поверить, что Тамара Ханум родилась, выросла и воспиталась в центральной полосе России, где-нибудь в бывшей Тамбовской губернии. Так правильно ее произношение, манера выговаривать слова, так верны ее жесты и мимика, вся осанка.

В сущности говоря, нельзя провести четкой грани между вокальными и хореографическими выступлениями Тамары Ханум. Танцуя, она поет. Песни ее сопровождаются плясовыми движениями, поясняющими текст. Это вовсе не новаторство смелой артистки, основоположницы сценического узбекского женского танца. Органическое сочетание песни и пляски — черта, искони присущая народному искусству всего мира с глубокой древности. Наоборот, разделение этих двух искусств есть результат позднейшей профессионализации. В том, что Тамара Ханум бережно сохраняет традиции народного творчества, — большая ее заслуга.

Тамара Ханум создает как бы маленькие музыкально-хореографические повести, в которых язык иллюстративных жестов переплетается со словом. Содержание этих повестей черпается непосредственно из жизни. Преобладают в них любовные сюжеты. Влюбленный славит красоту своей возлюбленной, сравнивая ее уста с рубинами, стан — с китарисом, глаза — с глазами лани и т. д. Пропев одну строфу песни, танцовщица иллюстрирует ее мимикой и жестом. Она притормаживает или набрасывает на лицо покрывало, манит взглядом, улыбкой. Это нечто вроде диалога с воображаемым партнером.

Образ веселой, беззаботной девушки, увлеченной в силе своего очарования, — излюбленный образ артистки. Но содержание танцевальных рассказов Тамары Ханум не всегда лирично. Артистка передает не только переживания, — не менее охотно она показывает и действия. Она живописует танцем трудовой процесс, изображает уход за хлопком и сбор его («Пахта»), либо делает вид, будто прядет и сучит нитки, заплетает воображаемую косу, работает по хозяйству. При этом в танце Тамары Ханум иллюстративных жестов несравненно больше, чем чисто декоративных. И именно сочетание стилизованных и реалистических жестов придает ее танцу особую прелесть, как сочетание реальных и фантастических мотивов в миниатюрах на полях старинных рукописей.

Гудит, рокочет огромный бубен, играющий в узбекском оркестре такую же ведущую роль, как у нас скрипка; ему вторят струнные инструменты. Странное чувство охватывает, когда слушаешь эту музыку, неповторимую по своему властному ритму, видишь подлинные танцы Востока. То, что раньше казалось овеянным дымкой таинственности, воспринималось через легенды, сказки, описания старинных путешественников, — внезапно предстает во всей своей неповторимой сверкающей реальности и вместе с тем в новом обличии.

Среди хореографических поэм Тамары Ханум есть много старинных. Она сама выглядит мудрой сказочницей, какой-то современной Шехеразадой, знающей бесчисленное множество новых и старых преданий. Но разве сказки не отражают мечты народа о лучшей жизни? Теперь эта мечта сбылась. И потому так сказочно прекрасен советский Восток, который показывает Тамара Ханум.

В. ИВИНГ